Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-101-109
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ВЫДВОРЕНИЕ ОСУЖДЁННОГО ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА: НАКАЗАНИЕ, МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ?

Аннотация. *В статье исследуется юридическая природа выдворения осужденного иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы государства. На основе сравнительно-правового анализа законодательства Российской Федерации и отдельных государств — участников СНГ обосновывается вывод о множественности правовых моделей выдворения: в одних правопорядках оно закрепляется как основной или дополнительный вид уголовного наказания, в других — как мера безопасности, в третьих — как административно-правовое или миграционно-правовое последствие осуждения и утраты права на пребывание. Рассматривается вопрос о допустимости включения выдворения в систему уголовно-правового воздействия с учетом принципов личной ответственности, индивидуализации наказания, запрета двойного наказания и принципа non-refoulement. Показано, что российское законодательство не содержит выдворения осужденного иностранца как самостоятельного уголовного наказания, однако фактически использует административно-миграционные последствия осуждения, выражающиеся в аннулировании разрешительных документов, ограничении права на пребывание и последующем удалении лица из страны. Обосновывается, что выбор правовой модели выдворения имеет не только терминологическое, но и практическое значение, поскольку определяет субъект принятия решения, процессуальные гарантии, момент исполнения, связь с основным наказанием, возможность учета прав потерпевшего и пределы применения международно-правовых запретов. Формулируется вывод о целесообразности сохранения в российском праве межотраслевой модели выдворения при одновременном усилении судебного контроля и нормативном разграничении депортации, административного выдворения и уголовно-правовых последствий осуждения иностранного гражданина.*

Ключевые слова*: иностранный гражданин, лицо без гражданства, выдворение, депортация, наказание, мера безопасности, осужденный, административно-правовое последствие, миграционное право, уголовное право, non-refoulement, СНГ, сравнительное правоведение.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for Research on Problems of Security in Institutions of the Criminal Executive System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service», Phd in Low

EXPULSION OF A CONVICTED FOREIGN CITIZEN: PUNISHMENT, SECURITY MEASURE OR ADMINISTRATIVE-LEGAL CONSEQUENCE?

Annotation. *The article examines the legal nature of the expulsion of a convicted foreign citizen or stateless person from the territory of a state. Based on a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and selected CIS member states, the author substantiates the conclusion that there are multiple legal models of expulsion: in some legal systems it is established*

as a principal or additional criminal punishment, in others as a security measure, and in others as an administrative or migration-law consequence of conviction and loss of the right to stay. The article analyzes the admissibility of including expulsion in the system of criminal-law measures, taking into account the principles of personal liability, individualization of punishment, prohibition of double punishment and the principle of non-refoulement. It is shown that Russian legislation does not provide for expulsion of a convicted foreigner as an independent criminal punishment, but actually applies administrative and migration consequences of conviction, expressed in the annulment of permits, restriction of the right to stay and subsequent removal from the state. The author argues that the choice of the legal model of expulsion has not only terminological but also practical significance, since it determines the competent decision-making authority, procedural guarantees, the moment of execution, the connection with the principal punishment, the possibility of taking into account the victim's rights and the limits imposed by international legal prohibitions. The article concludes that it is appropriate to preserve an intersectoral model of expulsion in Russian law while strengthening judicial control and legally distinguishing deportation, administrative expulsion and criminal-law consequences of conviction of a foreign citizen.

Key words: *foreign citizen, stateless person, expulsion, deportation, punishment, security measure, administrative-legal consequence, migration law, criminal law, non-refoulement, CIS, comparative law.*

Проблема выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, осужденных за совершение преступлений, находится на пересечении уголовного, административного, миграционного, уголовно-исполнительного и международного права. Ее актуальность обусловлена тем, что государство, с одной стороны, стремится обеспечить неотвратимость уголовно-правового реагирования и защиту общественной безопасности, а с другой — заинтересовано в прекращении пребывания на своей территории лиц, утративших правовые основания для нахождения в стране или представляющих повышенный риск для охраняемых общественных отношений. Однако само по себе перемещение осужденного иностранного гражданина за пределы государства может иметь различную юридическую природу. Оно может быть частью уголовного наказания, самостоятельной мерой безопасности, административным взысканием, миграционно-правовой депортацией либо правовым последствием осуждения, реализуемым вне системы уголовных наказаний. От выбора этой модели зависят процессуальные гарантии, момент исполнения, круг компетентных органов, возможность учета личности осужденного, прав потерпевшего и международных ограничений, прежде всего принципа non-refoulement.

В российском праве выдворение осужденного иностранного гражданина не закреплено в качестве уголовного наказания. Система наказаний, установленная Уголовным кодексом Российской Федерации, не содержит такой меры, как высылка, депортация или принудительное выдворение за пределы Российской Федерации. В то же время правовое положение иностранного гражданина, осужденного за преступление, существенно меняется в силу норм миграционного законодательства. Осуждение может повлечь отказ в выдаче или аннулирование разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу, а в дальнейшем — принятие решений о нежелательности пребывания, депортации или административном выдворении при наличии соответствующих оснований. Следовательно, российская модель строится не на включении выдворения в систему уголовных наказаний, а на последующем административно-миграционном реагировании на факт осуждения и утрату иностранцем правовых оснований для пребывания.

Такой подход имеет как преимущества, так и недостатки. Его преимущество состоит в том, что уголовное наказание сохраняет традиционную связь с личной виновной ответственностью за совершенное преступление, а вопросы миграционного статуса решаются в рамках публичного администрирования пребывания иностранцев. Это позволяет избежать прямого смешения уголовной репрессии и миграционного контроля. Однако недостаток состоит в возможном разрыве между уголовно-правовой и миграционно-правовой логикой. Суд, назначая наказание иностранному гражданину, не всегда прямо решает вопрос о дальнейшем пребывании лица в Российской Федерации; последующие миграционные решения принимаются иными органами и по иным процедурам. В результате может возникать несогласованность: осужденному ограничивается выезд до исполнения наказания, но одновременно аннулируются документы, позволяющие ему легально пребывать и трудиться, что затрудняет исполнение имущественных обязанностей и увеличивает срок фактического нахождения лица в стране.

Сравнительно-правовой материал показывает, что государства — участники СНГ используют различные подходы к юридической природе

выдворения. В Азербайджанской Республике принудительное выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства закреплено в уголовном законодательстве как дополнительный вид наказания. Оно применяется после отбытия основного наказания и сопровождается ограничением права въезда на территорию государства. Существенной особенностью азербайджанской модели является детальная регламентация исключений, при которых принудительное выдворение не назначается. В частности, учитываются наличие устойчивых социальных связей, семейное положение, статус беженца или политического убежища, а также риск пыток или преследования в государстве, принимающем лицо после выдворения. Тем самым выдворение, будучи включенным в уголовно-правовую систему, сохраняет зависимость от индивидуальной оценки личности осужденного и международно-правовых гарантий.

Армянская модель также рассматривает выдворение иностранного гражданина как уголовно-правовую меру, связанную с высылкой за пределы Республики Армения и запретом нахождения на ее территории в течение установленного срока. Выдворение осуществляется после отбытия основного наказания, а в случаях условного неприменения наказания или условно-досрочного освобождения — после окончания испытательного срока. Важным элементом является учет государства гражданства или постоянного проживания осужденного, а также ограничений, вытекающих из запрета выдачи или высылки лица туда, где существует реальная угроза смертной казни, пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Данная модель демонстрирует попытку встроить выдворение в уголовное право без полного отказа от гуманитарных пределов государственного принуждения.

В Республике Казахстан выдворение за пределы государства имеет сложную юридическую природу. Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает выдворение иностранца или лица без гражданства как вид уголовного наказания: за совершение уголовного проступка оно может назначаться как основное или дополнительное наказание, а за совершение преступления — как дополнительное наказание. При этом выдворение исполняется принудительно и сопровождается запретом на въезд в Республику Казахстан сроком на пять лет. Одновременно административное законодательство Казахстана знает административное выдворение как меру административного взыскания, применяемую судом по основаниям, предусмотренным Особенной частью Кодекса об административных правонарушениях. Кроме того, отдельные процедуры выдворения могут рассматриваться в рамках гражданского судопроизводства по заявлениям органов внутренних дел. Казахстанская модель особенно показательна, поскольку в ней выдворение одновременно существует в уголовно-правовой, административно-деликтной и процессуально-миграционной плоскостях.

Такое многоуровневое регулирование позволяет гибко реагировать на различные ситуации, но одновременно создает риск терминологического и процессуального смешения. Если выдворение назначается как уголовное наказание, оно должно соответствовать принципам уголовного права: законности, виновности, справедливости, индивидуализации и соразмерности. Если оно применяется как административное взыскание, основания и процедура должны соответствовать административно-деликтной природе нарушения. Если же выдворение реализуется как последствие утраты права на пребывание, его цель смещается от наказания к восстановлению миграционного правопорядка. На практике все три модели могут приводить к одному фактическому результату — удалению иностранца из государства, однако юридическое содержание такого удаления различается. Именно это различие определяет, можно ли рассматривать выдворение как дополнительную карательную меру, превентивную меру общественной безопасности или техническое последствие прекращения законного пребывания.

Кыргызская Республика закрепляет выдворение в уголовном законодательстве как меру, назначаемую иностранным гражданам и лицам без гражданства после отбытия основного наказания в случаях, предусмотренных санкциями статей Особенной части уголовного закона. Исполнение выдворения урегулировано уголовно-исполнительным законодательством и предполагает контролируемый выезд осужденного за пределы государства. Особенностью кыргызской модели является лаконичность правовой регламентации, а также прямое определение источников покрытия расходов по выдворению: их несет сам осужденный либо физическое или юридическое лицо, пригласившее его в Кыргызскую Республику, а при отсутствии или недостаточности средств — бюджет. Для рассматриваемой темы это важно потому, что уголовно-правовая квалификация выдворения как наказания или меры, исполняемой после основного наказания, сопровождается решением финансово-миграционного вопроса, то есть законодатель связывает уголовно-исполнительную процедуру с распределением публичных расходов.

В Республике Молдова высылка из страны имеет иную юридическую природу: она рассма-

тривается не как наказание, а как мера безопасности. Уголовный кодекс Молдовы относит высылку к мерам безопасности, целью которых является устранение опасности и предупреждение совершения новых деяний, предусмотренных уголовным законом. Такая конструкция концептуально отличается от модели наказания. Наказание выражает отрицательную оценку уже совершенного преступления и реализует карательно-восстановительную и превентивную функции. Мера безопасности, напротив, ориентирована прежде всего на устранение опасного состояния или риска. Она связана не только с фактом совершенного деяния, но и с прогнозом дальнейшего поведения лица, его статусом, возможностью причинения нового вреда охраняемым отношениям. Поэтому молдавская модель позволяет более ясно отделить высылку от карательной реакции, хотя фактические последствия для лица могут быть не менее существенными, чем при наказании.

Модель меры безопасности обладает определенными теоретическими преимуществами. Она позволяет объяснить, почему выдворение может быть применено не для усиления наказания, а для предотвращения дальнейшей угрозы, исходящей от пребывания иностранного гражданина на территории государства. В таком случае акцент переносится с воздаяния на охрану общества. Однако эта модель также требует строгих гарантий, поскольку меры безопасности могут быть менее жестко связаны с тяжестью конкретного преступления и больше зависеть от оценки опасности лица. Если такая оценка не будет индивидуализированной и судебно контролируемой, мера безопасности может превратиться в неопределенную форму дополнительной репрессии. Поэтому квалификация выдворения как меры безопасности оправдана лишь при наличии ясных критериев опасности, процессуальных гарантий и запрета автоматического применения.

Белорусская модель, как и российская, в большей степени относится к подходу, при котором высылка или депортация не являются самостоятельными уголовными наказаниями в системе уголовного закона, но выступают правовыми последствиями осуждения и регулируются специальным законодательством о правовом положении иностранцев. В таком случае уголовный закон фиксирует лишь отдельные связи с высылкой или депортацией, например прекращение превентивного надзора в случае удаления иностранца из страны, тогда как основания и порядок самого удаления закрепляются в миграционных и административных актах. Эта модель подчеркивает административно-правовой характер решения о дальнейшем пребывании иностранца, но одновременно вызывает вопрос о достаточности судебного контроля, если фактическим основанием удаления является именно уголовное осуждение.

Сопоставление указанных подходов позволяет выделить три основные правовые конструкции. Первая — выдворение как уголовное наказание. Она характерна для Азербайджана, Армении, Казахстана и Кыргызстана с различиями в деталях. В этой модели выдворение назначается судом в приговоре, связано с совершенным преступлением и исполняется, как правило, после основного наказания. Ее достоинство состоит в ясной уголовно-правовой природе и судебном характере решения. Недостаток — риск чрезмерной карательности, особенно если выдворение назначается автоматически, без оценки семейных, социальных, гуманитарных и международно-правовых обстоятельств. Вторая конструкция — выдворение или высылка как мера безопасности. Она выражена в молдавском подходе и ориентирована на устранение опасности дальнейшего пребывания лица. Ее достоинство — превентивная направленность, недостаток — возможная неопределенность критериев опасности. Третья конструкция — выдворение, депортация или высылка как административно-правовое либо миграционно-правовое последствие осуждения. Она характерна для России и ряда иных правопорядков. Ее достоинство — отделение уголовного наказания от миграционного статуса; недостаток — возможное расщепление процедур, когда уголовный суд и миграционные органы принимают взаимосвязанные решения без единого процессуального механизма согласования.

При оценке выдворения как уголовного наказания необходимо учитывать его двойственную природу. С одной стороны, оно имеет очевидный карательный эффект: лицо принудительно удаляется из государства, лишается возможности проживать, трудиться, поддерживать социальные связи и возвращаться в течение установленного срока. Для иностранного гражданина, имеющего семью, имущество, длительное проживание или иные устойчивые связи в государстве осуждения, такое последствие может быть весьма существенным. С другой стороны, выдворение отличается от классических наказаний тем, что его применение возможно только к специальному субъекту — иностранному гражданину или лицу без гражданства. Гражданин собственного государства, совершивший аналогичное преступление, не может быть изгнан за пределы страны. В связи с этим возникает вопрос о равенстве и соразмерности: различие в правовом положении гражданина и иностранца объективно существует, однако уголовно-право-

вая реакция не должна превращать сам иностранный статус в самостоятельное отягчающее обстоятельство.

Именно поэтому выдворение как наказание требует строгой индивидуализации. Оно может быть оправдано, если дальнейшее пребывание осужденного иностранца действительно противоречит интересам общественной безопасности, если оно предусмотрено законом за конкретное деяние, назначается судом с учетом личности виновного и не нарушает международные запреты. Недопустимо рассматривать выдворение как автоматическое приложение к любому преступлению иностранца. Преступление может быть различным по характеру и степени общественной опасности; иностранный гражданин может иметь разный уровень интеграции в принимающее общество; последствия удаления могут затрагивать семью, несовершеннолетних детей, потерпевших, исполнение имущественных обязанностей. Поэтому уголовно-правовая модель выдворения должна быть не механической, а судебно-дискреционной.

Квалификация выдворения как меры безопасности также не устраняет всех проблем. Она позволяет избежать прямого отнесения выдворения к наказаниям, но не исключает необходимости учитывать тяжесть совершенного деяния и личность осужденного. Более того, меры безопасности в уголовном праве обычно применяются к лицам или ситуациям, создающим особую опасность, и должны иметь специальное основание. Если высылка иностранца объявляется мерой безопасности только потому, что он совершил преступление, различие между наказанием и мерой безопасности становится формальным. Поэтому для такой модели необходимо доказать наличие самостоятельной превентивной цели: устранение опасности дальнейшего пребывания конкретного лица, а не дополнительное наказание за уже совершенное деяние. Иначе мера безопасности может скрыто выполнять карательную функцию без присущих наказанию гарантий.

Административно-правовая модель, используемая в российском праве, также нуждается в уточнении. Административное выдворение в российском праве является видом административного наказания, применяемого за административные правонарушения. Депортация, в свою очередь, представляет собой принудительное удаление иностранного гражданина в связи с утратой или прекращением законных оснований для пребывания, а не административное наказание в собственном смысле. Решение о нежелательности пребывания, аннулирование разрешительных документов и последующая депортация могут быть связаны с осуждением, но не являются частью уголовного приговора. Поэтому применительно к осужденному иностранцу необходимо различать три ситуации: административное выдворение за административное правонарушение; депортация вследствие прекращения законных оснований пребывания; уголовно-правовая реакция на преступление, которая в России не включает выдворение как наказание. Смешение этих категорий приводит к неопределенности правового статуса и затрудняет правоприменение.

Наиболее существенный практический вопрос состоит в том, должен ли российский законодатель включать выдворение осужденного иностранного гражданина в систему уголовных наказаний. Аргументы в пользу такого решения очевидны. Во-первых, оно позволило бы суду сразу при постановлении приговора решить вопрос о дальнейшем пребывании иностранца в Российской Федерации. Во-вторых, выдворение как дополнительное наказание могло бы сократить срок неопределенного нахождения осужденного иностранца после исполнения основного наказания. В-третьих, уголовно-правовая модель обеспечила бы более прямой судебный контроль и повысила бы предсказуемость последствий осуждения. В-четвертых, она могла бы позволить учитывать возможность передачи исполнения наказания в государство гражданства и последующего запрета въезда уже на стадии назначения наказания.

Однако существуют и серьезные возражения. Включение выдворения в систему уголовных наказаний может привести к усилению карательного компонента в отношении иностранцев и создать риск формального назначения такой меры по широкому кругу составов. Кроме того, выдворение как уголовное наказание не решает автоматически проблему возмещения вреда потерпевшему. Напротив, преждевременное удаление осужденного иностранца может затруднить исполнение гражданского иска, взыскание штрафа или иных имущественных обязанностей. Не менее важным является вопрос о принципе non-refoulement: уголовный суд должен будет оценивать риск пыток, преследования, смертной казни или бесчеловечного обращения в государстве назначения. Это потребует специальных процедур, доказательственных стандартов и взаимодействия с миграционными органами. В противном случае уголовно-правовая модель окажется формально простой, но практически сложной.

Сохранение административно-миграционной модели также возможно, но при условии ее более тесного согласования с уголовным процессом и исполнением наказания. Российскому праву необходимо не столько механически заимствовать зарубежную конструкцию выдворения

как уголовного наказания, сколько устранить разрыв между приговором и последующим миграционным решением. Если иностранный гражданин осуждается за преступление, суд должен иметь возможность учитывать миграционно-правовые последствия при выборе вида наказания. Это особенно важно для наказаний, не связанных с лишением свободы, поскольку их исполнение может требовать нахождения лица в Российской Федерации, контроля за поведением, возможности трудиться или возмещать вред. Одновременное ограничение выезда и аннулирование права на труд может привести к ситуации, в которой лицо остается в стране, но не способно исполнить имущественные обязанности.

При любой модели выдворения должен быть обеспечен баланс трех интересов: общественной безопасности, прав осужденного и прав потерпевшего. Общественная безопасность требует, чтобы иностранный гражданин, совершивший опасное преступление и утративший связь с принимающим правопорядком, не сохранял необоснованно право на дальнейшее пребывание. Права осужденного требуют, чтобы выдворение не применялось автоматически, без учета индивидуальных обстоятельств, семейной жизни, длительности проживания, риска преследования и возможности исполнения наказания. Права потерпевшего требуют, чтобы удаление осужденного из страны не превращало компенсацию вреда в фикцию. Если осужденный иностранный гражданин выдворяется до возмещения вреда и без реального механизма трансграничного взыскания, потерпевший может оказаться в худшем положении, чем при осуждении гражданина Российской Федерации.

Особое значение имеет момент исполнения выдворения. В большинстве уголовно-правовых моделей оно исполняется после отбытия основного наказания. Это логично, если основное наказание связано с лишением свободы: сначала государство реализует карательное воздействие, затем удаляет лицо. Однако если наказание не связано с лишением свободы, последовательность становится менее очевидной. Условное осуждение, ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы или штраф предполагают различные формы контроля и исполнения. Если выдворение исполняется после завершения такого наказания, срок пребывания иностранца сохраняется. Если выдворение исполняется сразу, возникает вопрос о контроле за исполнением наказания за рубежом. Поэтому в отношении наказаний, не связанных с лишением свободы, выдворение должно рассматриваться во взаимосвязи с институтом передачи исполнения наказания в государство гражданства осужденного. Без такого механизма выдворение может либо нарушить исполнимость приговора, либо не выполнить задачу сокращения пребывания иностранца.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что оптимальная модель должна быть межотраслевой. Выдворение осужденного иностранного гражданина не может быть полностью поглощено уголовным правом, поскольку оно затрагивает миграционный статус, международные гарантии, расходы на удаление, документирование и взаимодействие с иностранным государством. Оно не может быть полностью сведено и к административному праву, поскольку его основанием нередко является преступление и приговор суда. Оно также не должно рассматриваться исключительно как техническое последствие утраты права на пребывание, поскольку фактические последствия для личности сопоставимы с серьезной санкцией. Следовательно, выдворение осужденного иностранца представляет собой комплексную межотраслевую меру, правовая природа которой зависит от законодательной модели, но в любом случае требует судебного контроля и индивидуальной оценки.

Для российского права наиболее обоснованным представляется не прямое включение выдворения в перечень уголовных наказаний, а развитие специального уголовно-процессуального и миграционно-правового механизма, позволяющего суду учитывать последствия осуждения для дальнейшего пребывания иностранного гражданина. Такой механизм мог бы предусматривать обязанность суда при назначении наказания иностранцу оценивать возможность его передачи для исполнения наказания в государство гражданства, наличие имущественных обязательств перед потерпевшим, перспективы возмещения вреда, риски применения принципа non-refoulement, а также наличие оснований для последующего прекращения миграционного статуса. При этом само решение о депортации или выдворении может оставаться в сфере миграционного права, но не должно приниматься без учета выводов уголовного суда и обстоятельств, установленных приговором.

Возможен и более радикальный вариант — введение в российское уголовное законодательство выдворения как иной меры уголовно-правового характера, а не как наказания. Такая модель позволила бы избежать полного отождествления выдворения с карательной санкцией и подчеркнуть его превентивно-миграционную направленность. Однако она также потребовала бы четкого определения оснований, пределов, срока запрета въезда, исключений, процессуального порядка назначения и исполнения. Без этого новая мера могла бы создать больше неопределенности, чем действующая административно-миграционная

конструкция. Кроме того, российское право уже располагает механизмами депортации, административного выдворения и нежелательности пребывания, поэтому введение нового уголовно-правового института должно быть оправдано не только политико-правовой целесообразностью, но и реальной способностью устранить существующие коллизии.

Выдворение как административно-правовое последствие осуждения также должно отвечать требованиям правовой определенности. Иностранный гражданин должен понимать, какое именно последствие влечет осуждение: аннулирование разрешения, запрет на въезд, депортацию, административное выдворение или ограничение пребывания. Органы власти должны различать основания этих мер и не подменять одну другой. Судебный контроль должен охватывать не только формальную законность решения, но и его соразмерность, исполнимость, влияние на права потерпевшего и соответствие международным обязательствам. Особенно важно исключить ситуацию, когда лицо подлежит удалению, но фактически длительное время содержится в специальных учреждениях из-за отсутствия документов, невозможности установления гражданства, отказа принимающего государства или риска нарушения принципа non-refoulement.

Принцип non-refoulement является универсальным пределом любой модели выдворения. Независимо от того, признается ли выдворение наказанием, мерой безопасности или административным последствием, государство не вправе направлять лицо туда, где существуют серьезные основания полагать, что ему угрожают пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, преследование по политическим, религиозным, национальным или иным защищаемым признакам. В уголовно-правовых моделях этот принцип должен учитываться судом при назначении выдворения. В административно-миграционных моделях — органом, принимающим решение о депортации или выдворении, и судом при проверке его законности. Наличие судимости или совершение преступления может влиять на оценку общественной опасности лица, но не отменяет абсолютных запретов, связанных с пытками и бесчеловечным обращением.

Вопрос о правовой природе выдворения не должен решаться абстрактно. Разные модели могут быть оправданы в разных правопорядках, если они обеспечивают достаточные гарантии. Уголовно-правовая модель предпочтительна там, где законодатель стремится сделать выдворение частью приговора и обеспечить прямой судебный контроль. Модель меры безопасности оправдана там, где акцент делается на устранении опасности дальнейшего пребывания иностранца. Административно-миграционная модель эффективна там, где требуется гибкое управление правовым статусом иностранцев после осуждения. Однако любая из этих моделей становится проблемной, если применяется автоматически, без индивидуальной оценки и без учета исполнения основного наказания, возмещения вреда потерпевшему и международных гарантий.

В заключение следует отметить, что выдворение осужденного иностранного гражданина имеет сложную межотраслевую природу и не может быть однозначно сведено только к наказанию, только к мере безопасности или только к административно-правовому последствию. Сравнительно-правовой анализ показывает множественность допустимых законодательных моделей. Азербайджан, Армения, Казахстан и Кыргызстан демонстрируют различные варианты включения выдворения в систему уголовно-правового воздействия. Молдова квалифицирует высылку как меру безопасности, подчеркивая ее превентивную направленность. Россия использует преимущественно административно-миграционную модель, при которой уголовное осуждение влияет на правовой статус иностранца, но само выдворение не является уголовным наказанием.

Наиболее значимый вывод состоит в том, что фактическая одинаковость результата — удаление лица за пределы государства — не означает тождества правовой природы. Если выдворение является наказанием, оно должно назначаться судом с соблюдением принципов уголовного права и индивидуализации. Если оно является мерой безопасности, необходимо доказать наличие опасности, устранение которой составляет цель меры. Если оно выступает административно-правовым последствием, требуется ясная связь с утратой оснований пребывания, соблюдение процедурных гарантий и судебный контроль. Для российского права в текущих условиях более предпочтительно развитие межотраслевой модели, а не механическое включение выдворения в перечень уголовных наказаний. Такая модель должна обеспечить согласование приговора, миграционного статуса, исполнения наказания, защиты потерпевшего и международных запретов.

Перспективным направлением совершенствования российского законодательства является нормативное разграничение депортации, административного выдворения и последствий уголовного осуждения иностранного гражданина. Необходимо закрепить механизм, позволяющий суду при постановлении приговора учитывать возможные миграционно-правовые последствия, особенно при назначении наказаний, не связанных с лишением свободы. Следует также предусмотреть оценку возможности передачи испол-

нения наказания в государство гражданства, влияния удаления лица на возмещение вреда потерпевшему и риска нарушения принципа non-refoulement. Только при таком подходе выдворение осужденного иностранца будет выполнять не только функцию удаления нежелательного лица, но и функцию правового согласования уголовной, миграционной и восстановительной политики государства.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I. Ст. 1.

[3] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

[4] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

[5] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13-I, 13-II. Ст. 83.

[6] Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики от 31 января 2017 г. № 17 // Эркин-Тоо. 2017. № 11.

[7] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 2002. № 128–129. Ст. 1012.

[8] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 4. Ст. 251.

[9] Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. № ЗР-199 // Официальные ведомости Республики Армения. 2021.

[10] Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ : монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, В. Ю. Артемов [и др.] ; отв. ред. И. С. Власов, Н. А. Голованова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. 496 с.

[11] Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2019. 424 с.

[12] Олейник В. И. Совершенствование законодательства при выдворении иностранцев и лиц без гражданства за пределы Республики Казахстан // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». 2022. № 3 (107). С. 16–29. DOI: 10.31489/2022L3/16-29.

[13] Семыкина О. И. Принцип гуманизма как средство обеспечения запрета пыток // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5. С. 52–65. DOI: 10.12737/jflcl.2021.053.

[14] Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование : научно-практическое пособие / А. С. Автономов, В. Ю. Артемов, И. С. Власов [и др.] ; отв. ред. С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2016. 304 с.

[15] Правовая защита потерпевших в зарубежных странах : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М, 2017. 304 с.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2001 No. 195-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1, part I. Art. 1.

[3] On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.

[4] On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation: Federal Law of August 15, 1996 No. 114-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029.

[5] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V SAM//Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 2014. № 13-I, 13-II. Art. 83.

[6] Criminal Executive Code of the Kyrgyz Republic of January 31, 2017 No. 17//Erkin-Too. 2017. № 11.

[7] Criminal Code of the Republic of Moldova dated April 18, 2002 No. 985-XV//Monitorul Oficial al Republici Moldova. 2002. № 128–129. Art. 1012.

[8] Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999 No. 787-IQ//Collection of Legislation of the Republic of Azerbaijan. 2000. № 4. Art. 251.

[9] Criminal Code of the Republic of Armenia dated May 5, 2021 No. ZR-199//Official Gazette of the Republic of Armenia. 2021.

[10] Migration and crime: comparative legal analysis: monograph/I. S. Vlasov, N. A. Golovanova, V. Yu. Artemov [and others]; resp. ed. I. S. Vlasov, N. A. Golovanova. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Contract Law Firm, 2012. 496 pp.

[11] New directions for the development of criminal legislation in foreign countries: comparative legal research: monograph/V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov, N. A. Golovanova [and others]; resp. ed. N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law firm "Contract," 2019. 424 p.

[12] Oleinik V.I. Improvement of legislation when expelling foreigners and stateless persons from the Republic of Kazakhstan//Bulletin of Karaganda University. "Right" series. 2022. № 3 (107). S. 16-29. DOI: 10.31489/2022L3/16-29.

[13] Semykina O. I. The principle of humanism as a means of ensuring the prohibition of torture// Journal of foreign legislation and comparative law. 2021. VOL. 17. № 5. S. 52-65. DOI: 10.12737/jflcl.2021.053.

[14] Compensation for material harm to victims. Comparative legal research: scientific and practical manual/A. S. Avtonomov, V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov [and others]; resp. ed. S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law firm "Contract," 2016. 304 pp.

[15] Legal protection of victims in foreign countries: monograph/V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov, N. A. Golovanova [and others]; resp. ed. S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; INFRA-M, 2017. 304 pp.

